

XXXVII.

№ 2

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 14-го января 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVII

1906

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 11.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римшельская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи, . . .

8 р.

За
границу 12 р.

Урокъ.

Повѣсть

Б. Лазаревского.

(Продолженіе).

Кальнишевскій почесалъ въ затылкѣ и продолжалъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— Надоѣла мнѣ эта канитель и больше ничего, а такъ они люди, какъ люди, бдятъ, спать, кое-что дѣлаютъ. Родители съ цѣлью увеличить капиталчикъ для дочерей — хотя, кажется, уже сильно уменьшили его, — дочери съ цѣлью доставить себѣ какое-нибудь развлеченіе. Папаша любитъ въ винтъ играть, хотя онъ больше въ разѣздахъ бываетъ. Ну, а насчетъ ученицъ, — объ еще не опредѣлились въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Какія-то онѣ ни рыба, ни мясо, скорѣе, впрочемъ, мясо или даже сало. Старшая, Дина, уже совѣтъмъ взрослая, недурна собой, не болтлива, насчетъ правописанія безнаджна и вообще, кажется, вмѣсто науки

Ярославъ Мудрый. Скульптура М. М. Антокольскаго, авт. «Нивы».

больше не прочь замужъ. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе. Младшая, Леночка, чистый бѣсенокъ, очень способная, но изъ рукъ вонъ разсѣяна. Ну, да все это самъ увидишь. Только тебѣ нужно къ нимъ зайти числа двадцать девятого, познакомиться съ мамашей и насчетъ гонорара условиться. Ну, братъ, а пока до свиданья, я пошелъ.

— Да обожди ты, три мѣсяца не видались!

— Въ другой разъ поговоримъ, а сейчасъ не могу.

— Рано еще?

— Нѣтъ, нѣтъ. Не могу, честное слово, не могу. Усталъ я отъ поѣзда. Голова трещитъ, ничего не понимаю. Я сегодня зашелъ главнымъ образомъ сообщить о предстоящемъ урокѣ, чтобы опять какой-нибудь свадьбы не вышло...

— Нѣ-ѣ-ѣтъужъ!

— Городской адресъ Орѣховыхъ знаешь?

— Знаю.

— Ну и отлично, а я пошелъ.

И въ эту ночь, какъ и въ ту, когда онъ уже зналъ, что въ деревню къ Орѣховымъ не поѣдетъ, Константинъ Ивановичъ долго ворочался. Переключались пѣтухи и стекла на окнахъ стали голубоватыми. Ему пришло въ голову, что все лѣто было похоже на длинную ночь и что, какъ сейчасъ уже наступаетъ разсвѣтъ, — такой же разсвѣтъ близокъ и въ его личной жизни. До сихъ поръ бывало, — или одиночество, или Аристарховы, а теперь будетъ еще близость съ людьми, которые живутъ иначе и навѣрное осмысленнѣе, хотя бы потому, что у нихъ, благодаря деньгамъ, есть возможность пользоваться всѣмъ интереснымъ и хорошимъ на свѣтѣ.

„Кальнишевскій всегда капризничаетъ и требуетъ, чтобы всѣ были ангелами или философами, а это невозможно, достаточно и того, если люди хоть кому-нибудь полезны. И Ольга Павловна, о которой Кальнишевскій говорилъ иронически, навѣрное женщина мыслящая и сердечная...“

Думалось о бѣдности и богатствѣ. Казалось, что даже Аристарховы, если бы не имѣли надобности копить и беречь деньги, вѣроятно, были бы симпатичнѣе.

Проснулся Константинъ Ивановичъ поздно, когда отецъ уже ушелъ на службу. Долго, не одѣваясь, онъ сидѣлъ въ столовой надъ остывшимъ стаканомъ чая. Въ университетъ онъ не пошелъ и ясно чувствовалъ, какъ его разозлилъ бы шумъ въ коридорахъ и хлопанье входныхъ дверей на пружинѣ. Хотѣлось скорѣе увидать еще разъ Кальнишевскаго и поговорить съ нимъ; но онъ не сказалъ, гдѣ остановился.

Константинъ Ивановичъ выпилъ залпомъ и безъ хлѣба чай, быстро одѣлся и пошелъ на ту улицу, гдѣ жили Орѣховы. Номеръ ихъ дома былъ тридцать первый. Еще издавѣка ему бросился въ глаза длинный одноэтажный особнякъ, выкрашенный масляной краской шоколаднаго цвѣта, съ большими зеркальными окнами и массивной дубовой парадной дверью.

„Навѣрное, они живутъ здѣсь“, — подумалъ Константинъ Ивановичъ и обрадовался, когда увидалъ надъ воротами цифру 31.

Четыре окна были закрыты шторами.

„Значитъ, еще спать“, — мелькнуло у него въ головѣ и, самъ не зная зачѣмъ, онъ проходилъ взадъ и впередъ по противоположному тротуару съ полчаса.

Изъ воротъ дома Орѣховыхъ вышелъ дворникъ въ красной рубахѣ и бѣломъ фартукѣ, и Константину Ивановичу его лицо показалось умнымъ и симпатичнымъ. Поглядѣвъ на дворника еще разъ, онъ тихо пошелъ назадъ.

Двѣ недѣли тянулись, какъ два мѣсяца, — не помогало и отчеркиванье дней на календарѣ. Не хотѣлось ничего читать. Отецъ, узнавъ, что Костя скоро получить выгодный урокъ, пересталъ ворчать и даже шутилъ. Двадцать седьмого сентября Константинъ Ивановичъ надѣлъ новый сюртукъ и, немного волнуясь, пошелъ къ Орѣховымъ.

V.

Въ гостиной ждать пришлось не долго. Онъ прошелся два раза по мягкому ковра, оправилъ волосы и сѣлъ. Слѣва стоялъ открытый рояль, за нимъ подымалось нѣсколько фикусовъ съ пыльными листьями и два олеандра. Мебель была шелковая золотистая, подъ цвѣтъ обоевъ. На стѣнахъ висѣло два огромныхъ зеркала, но не было ни одной картины, и это непріятно удивляло глазъ. Пахло здѣсь хорошимъ табакомъ и затхлостью давно не выбивавшихся ковровъ.

Константинъ Ивановичъ взялъ съ круглаго стола большой альбомъ и хотѣлъ его раскрыть, но въ это время вошла, сильно шумя платьемъ, Ольга Павловна. Полная блондинка, здоровая и розовая, со вздернутымъ носомъ и завитыми волосами, она щурилась черезъ золотое пенсне и улыбалась.

— Господинъ Смирновъ?

— Да.

— Садитесь пожалуйста. Курите. Кажется, нѣтъ спичекъ. Впрочемъ, вотъ онѣ.

— Спасибо, я не курю.

— Не курите? Это хорошо. Значитъ, у васъ есть сила воли, а я вотъ не могу отстать отъ этой нехорошей привычки...

И слова у нея пошли быстро и гладко. Ольга Павловна прежде всего расхвалила Кальнишевскаго. Но въ ея голосѣ слышалась едва замѣтная фальшь.

Константинъ Ивановичъ чувствовалъ, что ей пріятнѣе говорить теперь именно съ нимъ, совсѣмъ новымъ чело-вѣкомъ, одѣтымъ въ свѣжій сюртукъ, чѣмъ съ Кальнишевскимъ, который заранѣе зналъ каждое ея слово.

Ольга Павловна сейчасъ же перешла къ вопросу о воспитаніи и сказала, что ни сама она ни ея мужъ никогда не допустятъ, чтобы ихъ дочери учились въ гимназій, гдѣ дѣвочки слишкомъ рано узнаютъ то, о чемъ знать имъ не слѣдуетъ. Константину Ивановичу эта фраза не понравилась.

„И такъ ошибочно смотреть большинство людей. Знать слѣдуетъ по возможности все, и только зная, можно разумно уходить отъ всего дурного и стремиться къ завѣдомо хорошему“, — подумалъ онъ.

Потомъ лицо Ольги Павловны стало грустнымъ, и она рассказала, какъ умеръ отъ воспаления мозга ихъ единственный сынъ Левушка — гимназистъ шестого класса и первый ученикъ. Она вскользь упомянула о тѣхъ предчувствіяхъ, которыя давили ее передъ несчастіемъ, о телепатическихъ явленіяхъ и о Фламмарионѣ. На минуту она умолкла, чтобы закурить тоненькую папироску, и голосъ ея снова зазвучалъ бодро и убѣдительно.

— Знаете ли, Константинъ Ивановичъ, — кажется, такъ? — Очень многіе знакомые упрекали насъ въ томъ, что мы къ сравнительно большому дѣвочкамъ приглашаемъ учителей, а не учительницъ. Но какой это необдуманный упрекъ! Въ Америкѣ, въ средней школѣ, уже давнымъ-давно молодые люди не только обучаютъ дѣвушекъ, но и сами получаютъ образованіе съ ними на одной школьной скамейкѣ, и результаты этого совмѣстнаго обученія великолѣпны. Я сама женщина, но плохо вѣрю въ ихъ педагогическія способности. У насъ живетъ Любовь Петровна, на ея обязанностяхъ лежить присутствовать во время уроковъ дѣвочекъ и заниматься съ ними по Закону Божьему и по-французски. Откровенно говоря, толка изъ этихъ занятій не выходитъ ровно никакого, и если мы Любви Петровнѣ до сихъ поръ не отказали, то лишь потому, что ей рѣшительно некуда дѣваться... Она съ ними занималась раньше по всѣмъ предметамъ и, благодаря этому, дѣвочкамъ теперь приходится работать даже и лѣтомъ. Зиновій Григорьевичъ говоритъ, что онѣ очень отстали отъ гимназическаго курса...

Вниманіе Константина Ивановича стало притупляться. Онъ молча смотрѣлъ на носокъ прюнелеваго ботинка сидѣвшей передъ нимъ барыни и думалъ: „всѣ толстыя женщины, даже и богатые, ходятъ въ прюнелевыхъ ботинкахъ, вѣроятно, потому, что ногамъ тяжело носить такую махину и на нихъ дѣлаются мозоли, которыя обыкновенный ботинокъ давитъ.“

Ольга Павловна взглянула на свои маленькіе золотые часики и быстро произнесла:

— А теперь пойдемте позавтракаемъ, — вамъ нужно познакомиться съ будущими ученицами. У насъ учитель всегда своей чело-вѣкъ и принимаетъ участіе во всей нашей жизни.

Константинъ Ивановичъ чуть поклонился и пошелъ за ней въ столовую. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. Ольга Павловна позвонила и сказала вошедшей пожилой горничной:

— Давай, Анюта, завтракать и зови барышень.

Дина и Леночка вошли одна за другой и поздоровались просто, за руку, безъ реверансовъ, и это ему по-

наверное. Одѣтыя въ одинаковыя, коричневыя платья и черныя передники, онѣ не были похожи между собою. Дина, пухленькая шатенка, съ хорошо развитымъ бюстомъ и чуть вздернутымъ, какъ у матери, носикомъ, съ темными голубыми глазами и особенно большими, точно подвитыми вверхъ, рѣсницами, сейчасъ же сѣла и спокойно начала накладывать себѣ горячую ветчину съ картофельнымъ пюре. Волосы ея были причесаны вверхъ и туго перетянуты красной ленточкой. Невольно обращала на себя вниманіе нѣжная, чуть загорѣлая кожа ея лица, съ едва замѣтнымъ пушкомъ на щекахъ. Она куталась въ наброшенный на плечи сѣрый платокъ и молчала. На Константина Ивановича она посмотрѣла только разъ, когда здоровалась, какъ на новую, но мало интересную вещь.

Леночка была совсѣмъ блондинка, съ едва замѣтными веснушками, съ плоскою грудью и короткими, очень свѣтлыми и плохо слушающимися гребешка, волосами. Личико ея иногда передергивалось, а блестящіе глаза чуть косили и быстро осматривали новаго человѣка. Она взяла кусокъ хлѣба, вырѣзала изъ него мякишъ, густо посолила корочку, погрызла ее передними бѣлыми зубами и потомъ уже сѣла за столъ. Эта привычка осталась у нея съ тѣхъ поръ, какъ она принимала рыбій жиръ. Перваго блюда Леночка не ѣла, — только потомъ положила себѣ маленькій кусочекъ индѣйки и очень много салата изъ красной капусты.

Константинъ Ивановичъ смотрѣлъ на Дину и думалъ: „Вотъ вѣдь и черты лица у нея неправильныя, а кажется, будто она красавица. Это потому, что у нея глаза и волосы не одного цвѣта, и вся она точно олицетворенныя здоровье и нормальность. Близка къ природѣ, — и въ этомъ весь секретъ. И сердце у нея навѣрно золотое...“

— Что же вы ничего не кушаете? — сказала, обращаясь къ нему, Ольга Павловна. — Кто у насъ въ домѣ мало ѣстъ, тотъ никогда не можетъ быть нашимъ другомъ. Анюта, подай барину еще индѣйки и огурцовъ — это домашніе, собственного производства. Я всегда дѣлаю ихъ на вишневыхъ или на смородиновыхъ листьяхъ, — это имъ придаетъ крѣпость и ароматъ.

Константинъ Ивановичъ съ удовольствіемъ взялъ еще кусочекъ индѣйки. Все было очень вкусно. Судочки и хрустальный салатникъ привѣтливо блестя на чистой скатерти. вмѣсто вина подали въ кувшинѣ квасъ, душистый и холодный.

За завтракомъ говорили мало. Барышни тоже молчали, но вели себя непринужденно. Послѣ индѣйки подали чай, а затѣмъ всѣ поднялись и пошли въ классную. И почти въ каждой комнатѣ, чрезъ которую проходили, висѣло на стѣнахъ по зеркалу, а то и по два. На огромномъ столѣ, въ комнатѣ у дѣвочекъ, былъ беспорядокъ. Нѣкоторые учебники были совсѣмъ изорваны, столъ изрѣзанъ, а ручки и карандаши обкусаны. Въ арифметическихъ тетрадяхъ Леночки чаще встрѣчались какія-то рожицы, чѣмъ цифры.

Потомъ обѣ онѣ стали показывать, что было пройдено за лѣто съ Кальнишевскимъ. Когда Ольга Павловна вышла, Леночка прислонилась къ кафельной печкѣ и, обмахиваясь передникомъ, точно ей было жарко, сказала:

— Зиновій Григорьевичъ былъ очень строгій. А вы не будете такимъ?

Она чуть подвизгивала. Константинъ Ивановичъ покраснѣлъ и не сразу нашелся, что отвѣтить.

— Н-не знаю.

— Напримѣръ, онъ не позволялъ смѣяться, — добавила Леночка и не улыбнулась.

— Ну, ты ужъ... проѣла своимъ контрольно Дина. — Въ Знаменскомъ мы съ нимъ занимались до двухъ часовъ дня, а здѣсь занимаемся отъ пяти до восьми, а обѣдаемъ въ четыре. Уроки мы готовимъ утромъ. Послѣ

завтрака къ намъ приходитъ Любовь Петровна, а потомъ учительница музыки. Вы знаете Любовь Петровну?

— Нѣтъ.

— Мы съ ней говоримъ по-французски и учимъ Законъ Божій. Она очень добрая.

— Вы на естественномъ факультетѣ? — спросила вдругъ Леночка.

— Да.

— Значитъ, учите о томъ, какъ живутъ разные звѣри?

— Не только объ этомъ...

— Ну, все-таки, вы, напримѣръ, знаете что-нибудь о ящерицахъ, — и Леночка сильно фыркнула.

— Ты не можешь безъ глупостей. Удивительно, право. Это она Любовь Петровну такъ называетъ, — произнесла Дина и презрительно надула губки. Снова вошла Ольга Павловна и заговорила о женскомъ воспитаніи, и такъ быстро, что иногда ее трудно было понять.

Потомъ перешли въ гостиную и здѣсь условились относительно платы, — пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Когда пробило часъ, Константинъ Ивановичъ попрощался. Зажмуривъ глаза отъ солнца, онъ переходилъ улицу. На дворѣ было душно, какъ въ іюлѣ.

Изъ-за угла вдругъ послышались звонки, потомъ выскочилъ верховой, и за нимъ полетѣлъ пожарный обозъ, подпрыгивая массивными красными колесами по булыжной мостовой. И долго еще было видно, какъ, покачиваясь то вправо, то влево, уменьшался послѣдній, запряженный четверикомъ, „багорный ходъ“.

Константинъ Ивановичъ очень любилъ бывать на пожарахъ и въ другой разъ непременно поѣхалъ бы смотреть или качать воду, а теперь ему хотѣлось только поскорѣе домой, лечь на кровать и думать. Казалось, что въ его жизни наступаютъ новые, легкіе и очень интересные дни.

VI.

Константинъ Ивановичъ увидѣлъ Кальнишевскаго на слѣдующій день въ университетскомъ коридорѣ. Онъ сидѣлъ на подоконникѣ и болталъ ногами. Мимо ходили взадъ и впередъ студенты. Первокурсники выдѣлялись своими новенькими тужурками и свѣтлыми пуговицами. Всѣ говорили такъ громко, что въ двухъ шагахъ нельзя было разобрать ни одного слова. Пахло еще масляной краской и известью недавно отремонтированнаго зданія.

— Ну что, былъ? — спросилъ Кальнишевскій.

— Былъ.

— Понравилось?

— Да.

— Ну, и великолѣпно.

Кальнишевскій порылся въ одномъ карманѣ, въ другомъ, потомъ досталъ потерянный кошелекъ и вынулъ изъ него сложенную вчетверо записку.

— Вотъ, я здѣсь тебѣ разсѣлъ, что пройдено съ Диной, а что съ Леной, и какъ я предполагалъ вести курсъ до весны. Нажми ты ради Бога старшую насчетъ математики. Хотя бы она уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ постигла, вѣдь шестнадцать скоро! По русскому да и по общефизическимъ законамъ замужъ можно... Да. Ну, а мнѣ нужно идти въ аудиторію.

— Да обожди, ты же обѣщалъ разсказать мнѣ о нихъ побольше.

— Относительно занятій въ запискѣ все обозначено, затѣмъ все существенное сказано, а несущественное — самъ узиши.

— Досадный ты человѣкъ...

— Ей-же-Богу нужно на лекцію идти. А кромѣ того, право, все сказано, остальное пустяки. Да, вотъ еще что, ты въ винтъ играешь?

— Нѣтъ.

— Тамъ это, братъ, большой минусъ. Вообрази, я выучился, игра въ сущности очень умная, иной разъ и до восхода солнышка засиживались. Ну, а верхомъ ты ѣздилъ когда-нибудь?

На кабана. Картина Л. Бекмана, гравюра Лерике.

Верный друг. Картина М. Курдеева, арт. «Нива».

— Нѣтъ.

— Это тоже нехорошо; впрочемъ, и я не ѣздилъ. Все, братъ, пустяки. Будь здоровъ.

Кальнишевскій грузно прыгнуть съ подоконника, наморщилъ лобъ и потерялся среди сѣрыхъ тужурокъ.

Константинъ Ивановичъ тоже пошелъ на лекцію. Профессоръ, еще совсѣмъ молодой и очень худой человекъ въ золотомъ пенснэ, говорилъ внятно и толково. Но Константинъ Ивановичъ черезъ нѣсколько минутъ началъ думать не о томъ, что слышали его уши, а о своихъ ученикахъ и о Кальнишевскомъ. И ему казалось, что Кальнишевскій, вѣроятно, былъ неравнодушенъ къ Динѣ, и потому такъ настойчиво избѣгаетъ подробнаго разговора о ней, и въ тонѣ его голоса слышны злость или презрѣніе, какъ у человека, обиженного отсутствіемъ взаимности.

„Потому она и уравненій постигнуть не можетъ, потому она и сало, потому онъ и кричитъ о возможности ея замужества... Если подумать безпристрастно, то Кальнишевскій очень дюжинная натура и даже въ винтъ способенъ играть по цѣлымъ ночамъ, будто какой-нибудь чинуша...“

Когда протрещалъ звонокъ, то показалось, что лекція продолжалась не больше двадцати минутъ. Дома, за обѣдомъ, Константинъ Ивановичъ сказалъ отцу, что получилъ урокъ и съ сегодняшняго дня начнетъ заниматься.

— Много будешь получать?

— Пятьдесятъ.

— Это хорошо, для студента это рѣдкость. Сходи, поблагодари того профессора, который тебя рекомендовалъ.

— Это мнѣ лаборантъ, Винтеръ, устроилъ.

— Ну, все равно. Сегодня есть письмо отъ Тани. Пишетъ, что у нихъ жизнь дешевая, — возъ капусты полтора рубля, — и они успѣли уже купить одну четырехпроцентную государственную ренту... Это тоже хорошо. Послѣ женитьбы человекъ всегда измѣняется. Еще когда была жива покойница твоя мать, такъ, бывало, всегда сердилась, если я скажу, что изъ нашихъ дѣтей не выйдетъ толка. Оказалось, что была права она, а не я, толкъ выходитъ. Скоро мнѣ можно будетъ и на пенсію...

Въ этотъ день старикъ говорилъ другимъ голосомъ, — въ которомъ была слышна ласка. Но ласка эта не доставляла радости Константину Ивановичу, и ему все думалось, что онъ купилъ ее у отца за пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, и хотѣлось даже сказать объ этомъ. Удерживало только чувство, которое часто не позволяетъ говорить людямъ въ глаза правду, изъ боязни нарушить собственный покой.

Въ половинѣ четвертаго Константинъ Ивановичъ пошелъ къ Орѣховымъ. Его встрѣтила учительница Любовь Петровна. Очень длинная, на видъ лѣтъ тридцати пяти, рыжеватая, одѣтая во все черное, она обрадовалась ему, будто старому знакомому. Разъ пять подъ рядъ она сказала, что ей всегда особенно пріятно знакомиться съ людьми, которые посвящаютъ себя педагогической дѣятельности. Послѣ каждой фразы она быстро поворачивала голову то вправо, то влѣво, а потомъ громко смѣялась, и смѣхъ ея былъ похожъ на кашель.

— Значитъ, мы съ вами товарищи по оружію, — ках... ках... ках...

Когда вошли въ классную, Любовь Петровна скоренько проговорила:

— Простите, я тоже буду присутствовать, ках... ках... ках... — и ея желтое лицо на тонкой шеѣ быстро повернулось изъ стороны въ сторону.

„Дѣйствительно, она похожа на ящерицу“, — подумалъ Константинъ Ивановичъ и сжалъ губы, чтобы не улыбнуться.

Какъ нужно заниматься съ барышнями, да еще съ двумя, онъ не могъ себя представить и рѣшилъ, что

черезъ нѣсколько дней это выяснится само собой. До сихъ поръ Константинъ Ивановичъ былъ репетиторомъ только два раза. Прошлой зимой недѣлю занимался съ гимназистомъ третьяго класса, и, въ годъ своего выпуска, на каникулахъ готовилъ къ передержкѣ по-латыни тупоголоваго и всегда соннаго шестиклассника Дроздова. — „Теперь все будетъ не такъ... Въ первый день необходимо выяснитъ степень грамотности и знаній по математикѣ“...

Константинъ Ивановичъ порывлся въ хрестоматію, нашелъ статью подъ заглавіемъ „Восходъ солнца“, внятно прочелъ ее вслухъ, а потомъ попросилъ Леночку сѣсть за отдѣльный столъ и написать своими словами то, что она запомнила. Съ Диною онъ началъ съ алгебры и задалъ ей рѣшить коротенькое уравненіе. Брови ея нахмурились. Она низко нагнулась надъ бумагой, что-то пошептала, написала нѣсколько буквъ, потомъ стерла ихъ прямо пальцемъ, снова написала, немного подумала и довольно быстро нашла неизвѣстное.

— Такъ-съ. Теперь посмотримъ, какъ вы справляетесь съ умноженіемъ многочлена на многочленъ?

Онъ выбралъ примѣръ потруднѣе. Дина снова низко нагнулась надъ столомъ. Прошло пять минутъ. Задача по отвѣту не выходила. Константинъ Ивановичъ началъ ее рѣшать самъ...

— Если я отворю окно, это вамъ не помѣшаетъ? — спросила Любовь Петровна.

— Нѣтъ, ничего. Пожалуйста. Такъ вотъ видите ли, прежде, чѣмъ...

— Я уже написала, — прошептала съ другого конца Леночка.

— Хорошо, сейчасъ. Такъ вотъ видите ли...

Въ итогѣ получалось совсѣмъ другое выраженіе. Константинъ Ивановичъ почувствовалъ, что краснѣетъ, и старался овладѣть собой.

— Простите, я на минутку выйду, — сказала Любовь Петровна и засмѣялась.

— Пожалуйста.

Леночка перестала писать и косилась, и это мѣшало сосредоточиться. Наконецъ, нужный отвѣтъ вышелъ. Константинъ Ивановичъ задалъ Динѣ еще одну почти такую же задачу, а самъ подошелъ къ Леночкѣ и сталъ просматривать ея переложеніе. Было всего двѣ грамматическихъ ошибки. Почеркъ ровный, съ большими хвостами, слогъ красивый, и мысли всѣ выражены ясно. Константинъ Ивановичъ подумалъ, что въ мужской гимназіи такъ пишутъ только очень способные ученики послѣднихъ классовъ.

— Хорошо, очень хорошо.

— А Зиновій Григорьевичъ нашелъ бы, что можно и лучше...

— По-моему, лучше трудно.

Леночка покраснѣла, отошла къ окну и начала обмахиваться передникомъ.

Рѣшили, что Константинъ Ивановичъ будетъ заниматься съ шести до девяти вечера, съ каждой изъ ученицъ отдѣльно, — по полтора часа.

Онъ сѣлъ за столъ и, перелистывая учебникъ, началъ отмѣчать, что нужно было повторить къ завтраму, а потомъ сдѣлалъ расписаніе уроковъ на каждый день. За несовсѣмъ прикрытой дверью слышались шаги и шелестъ платьевъ.

— Простите, но, право, сразу видно, что это настоящий учитель, что у него есть къ этому призванію, — говорилъ голосъ Любви Петровны. — Кальнишевскій умѣлъ только ворчать, а этотъ... Если бы вы только послушали!..

— Тѣмъ лучше, — отвѣтила Ольга Павловна, и обѣ онѣ вошли въ классную.

Константинъ Ивановичъ всталъ, поздоровался и, чуть приподнимаясь на носкахъ, — что всегда было у него признакомъ волненія, — сталъ рассказывать, какъ онъ

думаетъ распредѣлить занятія. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ пошли въ столовую пить чай. Здѣсь уже ярко горѣла электрическая люстра, и ея три лампочки отражались въ зеркалѣ и на самоварѣ.

Лена еще больше разошлась и болтала безъ умолку. Она, захлебываясь, говорила о жизни въ Знаменскомъ. Разказала, что тамъ у нихъ есть сынъ птичницы мальчикъ Федька, замѣчательно способный, который за одно лѣто выучился читать и писать, и кромѣ того, онъ знаетъ наизусть, въ какой день празднуется память какого святого, но только до апрѣля:—„впрочемъ, теперь онъ, вѣроятно, знаетъ уже и дальше...“

Затѣмъ она разказала, что въ десяти верстахъ отъ нихъ живетъ помѣщикъ Брусенцовъ, еще совѣтъ молодой и красивый, и что въ прошломъ году онъ подарилъ Динѣ такаа Томку. Томка иногда душитъ куръ, и тогда мать Федьки плачетъ.

Дина молчала и машинально заплетала въ косички бахрому скатерти. Выраженіе всего ея прекраснаго лица было покойно. Константинъ Ивановичъ думалъ, что, вѣроятно, она принадлежитъ къ числу тѣхъ натуръ, о которыхъ говорятъ: „тихія воды глубоки“. Умолкла вдругъ и Лена, и полная тишина держалась съ минуту, а казалось, что дольше.

Блестящій никелевый самоваръ весело шумѣлъ и въ его круглыхъ бокахъ отражались несоответственно широкія лица. Бѣлый домашній хлѣбъ былъ наръзанъ въ такомъ количествѣ, что его хватило бы человѣку на десять. Масло, сливки въ хрустальномъ, запотѣвшемъ отъ холода кувшинѣ, огромный кусокъ швейцарскаго сыру, двѣ большихъ вазы варенья, черной смородины и крыжовника, все было вкусно, чисто и аппетитно пахло, какъ и вчера за завтракомъ. Чувствовалось, что здѣсь все это такъ бываетъ каждый день, а не дѣлается для чужого человѣка.

Тишину нарушила Любовь Петровна. Она вдругъ загремѣла стуломъ и сказала:

— Простите, мнѣ пора на урокъ къ Синюшинымъ,—и сейчасъ же зашѣлась:—ках... ках... ках... Я пойду.

Она попрощалась только съ однимъ Константиномъ Ивановичемъ и вышла. Ольга Павловна нажала звонокъ возлѣ лампы. Горничная Аня торопливо прошла черезъ столовую, и потомъ въ передней загремѣла цѣпочка.

— Эта Любовь Петровна глуповата и преподаваніе у нея идетъ Богъ знаетъ какъ, но у насъ она уже двѣнадцатый годъ и такъ любить дѣтей, что совѣстно ей отказывать,—сказала Ольга Павловна.

И хотя она объ этомъ уже разказывала раньше, но ей казалось, будто о преподаваніи Любви Петровны она вспомнила только теперь.

„Напрасно она такъ говорить въ присутствіи дѣтей,—подумалъ Константинъ Ивановичъ, но сейчасъ же мысленно себя поправилъ:—хотя, пожалуй, несложившимся людямъ полезнѣе говорить настоящую правду, чѣмъ маскировать старшихъ во что-то высшее, когда этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ.“

Велухъ онъ добавилъ:

— Такіе типы все же чрезвычайно симпатичны,—у нихъ есть душевная чуткость, и въ тяжелыя минуты они незамѣнимы.

— Это совершенно вѣрно. Какой вы однако сердцевѣдъ! Когда умеръ нашъ Левушка, она чуть съ ума не сошла и была, вѣроятно, единственнымъ существомъ, понимавшимъ тогда меня.

Лица барышень стали серьезными.

„И это она уже говорила“,—подумалъ Константинъ Ивановичъ.

Скоро подали ужинъ. И за ужиномъ все время слышался только голосъ одной Ольги Павловны. Въ гостиной часы пробилъ мягкимъ башеннымъ боемъ одиннадцать.

— Дина, Леночка, вамъ пора спать,—сказала Ольга Павловна.

— Мамочка!—жалобно простонала Лена.

— Нечего, нечего, мамочка. Маршъ, маршъ..

Дина молча поднялась, поправила движеніемъ плеча сѣрый платокъ и подала свою мягкую, теплую руку Константину Ивановичу. Лена капризно надула губки и, немного раскачиваясь, пошла вѣдъ за сестрой.

— Видите ли,—заговорила снова Ольга Павловна:—я хотѣла коснуться еще одного важнаго по моему мнѣнію вопроса. Мы Кальнишевскимъ были вообще очень довольны, но онъ иногда бывалъ съ дѣвочками рѣзокъ. Мужъ находилъ такое обращеніе даже необходимымъ, мнѣ же, по правдѣ сказать, оно не всегда нравилось. Конечно, это все зависитъ отъ взгляда. Васъ мнѣ рекомендовалъ Винтеръ, какъ человѣка не только добросовѣстнаго, но и очень мягкаго и воспитаннаго.

— Но вѣдъ онъ меня такъ мало знаетъ.

— Значить, знаетъ. —Ольга Павловна улыбнулась и добавила:—Фридрихъ Карловичъ никогда не бываетъ опрометчивъ въ своихъ сужденіяхъ. Мы знакомы съ нимъ очень давно. Онъ, еще будучи студентомъ, готовилъ Левушку въ гимназію. Кальнишевскій, по-моему, не педагогъ. Но я чувствую, что съ вами мы всѣ поладимъ.

Она снова начала говорить о воспитаніи, старалась выражаться научными терминами, и это выходило не всегда удачно. Каждый новый человѣкъ интересовалъ Ольгу Павловну только до тѣхъ поръ, пока она окончательно не привыкала къ его лицу и голосу.

„Въ дѣлѣ воспитанія она понимаетъ мало,—думалъ Константинъ Ивановичъ:—но говорить горячо, потому что любить дочерей, и это очень симпатично.“—Онъ не перебивалъ ее, и такъ время прошло до полуночи.

Пришла Аня и начала убирать тарелки. Константинъ Ивановичъ поблагодарилъ за ужинъ и пожелалъ спокойной ночи.

Хотѣлось побыть совѣтъ одному. На улицѣ его приласкала свѣтлая и тихая ночь. Красноватый мѣсяцъ уже спрятался однимъ концомъ за куполъ церкви. Трамвай пересталъ ходить, и потому казалось очень тихо, а шаги прохожихъ звенѣли о камень особенно отчетливо.

„Конечно, конечно, и madame и барышень я еще совѣтъ не знаю,—говорилъ себѣ мысленно Константинъ Ивановичъ:—но нѣтъ сомнѣнія, что это не Аристарховы и не наша семья. Если Орѣховы, какъ люди, не достаточно развиты, то мое дѣло внести въ ихъ семью свѣтъ, а не называть Дину саломъ. Аристарховы же и отецъ этого свѣта не хотятъ,—въ этомъ разнища.“

Потомъ онъ вспомнилъ, что если каждый мѣсяцъ будетъ откладывать только по двадцати пяти рублей, то къ слѣдующему лѣту образуются двѣ сотни, на которыя можно поѣхать въ Крымъ, на Кавказъ, куда только захочется. Но онъ навѣрное поѣдетъ въ деревню къ Орѣховымъ и проведетъ, среди настоящихъ крестьянъ и настоящей природы, чудное лѣто, о которомъ никогда не забудетъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

На отдыхъ.

(Изъ Ст. Цвейга).

Безрадостная тишь. Лишь сильный крикъ воронъ
То тамъ, то здѣсь ее нарушить. Надъ землею
Всей тяжестью повисъ свинцовый небосклонъ.
И осень сѣрая, окутанная мглою,
Неслышной поступью къ намъ близится, какъ сонъ.

Въ молчаньи тягостномъ я пришлюю встрѣчу.
Гдѣ лѣто знойное? Мнѣ жаль его лучей.
Но всѣ мечты о немъ въ душѣ я погребаю.
Мнѣ осень такъ близка! И я, сливаясь съ ней,
Миръ одиночества всѣмъ сердцемъ ощущаю.

Унынемъ темныхъ селъ обвѣянный, я радъ,
Что долю взять себѣ въ ихъ счастьѣ немудреномъ.
Молитвой кажется мнѣ дней моихъ закатъ,
И прошлое мое звучитъ вечернимъ звономъ,
Съ тѣхъ поръ какъ я постигъ осеннихъ пѣсень ладъ.

Теперь, усталое дитя больного края,
Обласканный тоской, въ блаженномъ полуснѣ,
Бреду я ошущю, объ отдыхѣ мечтаю...
И мнится, что судьба послала друга мнѣ,
Котораго въ лицо не видѣлъ никогда я.

В. С. Лихачовъ.

Признаніе. Картина Луи Шризера, авт. «Нивы».

М И Т И Н Г Ъ.

(Съ итальянскаго)

Дж. Роветта.

(Окончаніе).

По направленію къ Альгамбрѣ торопливо двигались, оживленно бесѣдуя, цѣлыя толпы народа. Театръ былъ уже переполненъ, и Аллори пришлось приложить не мало усилий, чтобы черезъ эту давку пробраться на сцену, гдѣ его ждали.

Яркій свѣтъ лѣтняго полуденнаго солнца широкой волной вливался черезъ настежь раскрытыя, огромныя окна, рѣзко выдѣляя безвкусную смѣсь яркихъ красокъ и аляповыхъ украшеній этого огромнаго деревяннаго балагана въ псевдо-мавританскомъ стилѣ.

самой себя, предаваясь всѣмъ вольностямъ грубаго народнаго юмора.

И дѣйствительно, въ воздухѣ носились крики, вой, свистъ, перекликанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстро мелькали вѣера и замѣнявшія ихъ газеты и афиши; въ одномъ углу, наверху, группа мальчишекъ, подъ предлогомъ жары, сняла съ себя куртки; какъ разъ противъ нихъ, на противоположной сторонѣ, какіе-то, очень сомнительнаго вида, подростки принялись рѣши-

Кровавые дни въ Москвѣ. Прохоровскія казармы, въ которыхъ сдались революціонеры. По фот. М. Грибова, въ Москвѣ.

Большая зала вся трепетала нетерпѣніемъ алчной публики; раздавались тысячи голосовъ, тысячи различныхъ звуковъ, которые сливались въ оглушительный шумъ, напоминавшій ревъ бушующаго моря.

Мелкій людъ, инстинктивно, по привычкѣ сбѣжался за цѣлые полчаса до начала и взялъ приступомъ галерею, которая была теперь до такой степени набита, что представляла собою одну сплошную волнующуюся массу, переливающуюся яркими и темными цвѣтами. Другая, такая же сплоченная масса, внизу все больше и больше увеличивалась безпрестаннымъ притокомъ новыхъ группъ, которая какъ будто проглатывалась ею. И съ перваго взгляда все это скопленіе казалось обычной толпой, шумной и дерзкой, которая, въ ожиданіи банальнаго представленія, развлекается на свой собственный счетъ, доставляя себѣ зрѣлище изъ

тѣльно выстукивать роговыми ручками своихъ тростей по желѣзной рѣшеткѣ, идущей вокругъ всей галлерей, производя адскій трескъ.

Аллори былъ сразу узнавъ: привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе и улавливая еле сдерживаемый ропотъ удовлетвореннаго любопытства, съ большимъ трудомъ пробирался онъ въ проходъ вдоль ложъ бенуара, которыя были уже почти всѣ заполнены и куда вдругъ ринулась еще толпа, но такая грубая и необузданная, какой обыкновенно въ этихъ мѣстахъ не видишь. Съ минуту стояла невообразимая сумятица; смѣшались неистовые крики побѣды съ другими яростными криками протеста; разбѣганные повсюду, красные султаны и голубыя кокарды вдругъ заволновались и устремились со своихъ мѣстъ по направленію къ ложамъ. Но все это длилось одно мгновеніе.

Кровавые дни въ Москвѣ. Погорѣвшіе дома близъ Зоологическаго сада на Прѣснѣ. По фот. М. Грибова, въ Москвѣ.

Кровавые дни въ Москвѣ. Общій видъ Прохоровской мануфактуры. По фот. М. Грибова въ Москвѣ.

На сценѣ свѣтъ былъ мягче и, какъ въ часъ заката въ церкви, обливалъ все спокойной, золотистой волной. Тутъ уже толпа была другая и состояла изъ лицъ лучше одѣтыхъ, нѣкоторые даже въ черныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, иные въ шляпахъ съ плюмажемъ и рядомъ медалей на груди. Глубже, по одну сторону,—группа знаменъ, по другую,—группа старыхъ и болѣе или менѣе подлинныхъ бывшихъ участниковъ гарибальдийскихъ походовъ въ красныхъ фланелевыхъ рубашкахъ и такихъ же новыхъ огненныхъ берегахъ.

Стулья, не въ особенномъ изобиліи разсыянные по сценѣ, были предложены старикамъ, которыхъ было нѣсколько—почти всѣ ветераны—не апокрифическіе—отечественныхъ битвъ. Они съ дѣтской хвастливостью—выставляли напоказъ свои ордена и съ старческимъ молодечествомъ крутили сѣдые усы.

Находились тамъ также и женщины, городскія и деревенскія, первыя—разряженныя въ шелковыя платья, но безъ всякихъ золотыхъ украшеній, потому что въ толпѣ «никогда нельзя поручиться»... другія—большую частью молодыя дѣвушки, красивыя, свѣжія, съ улыбающимися губами, съ блестящими, веселыми глазами, съ счастливыми лицами, на которыхъ свѣтилась радость и по поводу праздничнаго дня, и по поводу дароваго зрѣлища—митинга. Разгоряченные, съ растрепавшимися волосами, рассказывали онѣ другъ другу, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, о разныхъ приключеніяхъ, ихъ постигшихъ, пока имъ удалось черезъ всю эту давку протиснуться до сцены. А тутъ было такъ славно, а главное, каждой изъ нихъ было близко отъ брата или возлюбленнаго на случай повторенія чего-нибудь въ родѣ «сорокъ восьмого года».

Репортеры газетъ, тѣсно сидѣвшіе въ самомъ невѣроятномъ смѣшеніи политическихъ цвѣтовъ вокругъ двухъ шатающихся столиковъ, у самой рампы, принялись уже неистово строчить карандашами на маленькихъ листкахъ, то и дѣло внимательно окидывая взоромъ всю залу, для того, чтобы потомъ «изобразить картину» въ различныхъ

окраскахъ, сообразно различнымъ направленіямъ командировавшихъ ихъ газетъ.

Самыя извѣстныя и выдающіяся личности народныхъ партій, представители дѣйствующихъ союзовъ, делегаты, товарищи, явившіеся для выраженія солидарности отъ сосѣднихъ союзныхъ городовъ, имѣли нѣсколько декоративный видъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ созерцали всѣ инциденты, происходившіе въ партерѣ, какъ люди, привыкшіе къ извѣстнымъ вещамъ, видавшіе еще нѣчто посерьезнѣе и знающіе, что на нихъ устремлены взоры народа, взоры всего

Милана, значить всей Италіи. И въ ту минуту, когда внизу, въ партерѣ, народъ волновался и шумѣлъ, захватывая съ боя ложки бѣнуара, въ тѣхъ группахъ, на сценѣ, тоже произошло краткое смятеніе, затѣмъ вдругъ разразился взрывъ громкихъ рукоплесканій, покрывшихъ собою всякій другой шумъ, знамена заволновались, группы раздвинулись и красивый величественный старикъ, съ симпатичнымъ, милымъ лицомъ, твердой поступью вышелъ впередъ и вмѣстѣ съ нимъ еще три или четыре челоѣка различнаго возраста, среди которыхъ находился и Джіусто Аллори. Они подошли къ столу, находившемуся у суфлерской будки, которая была закрыта. Во всемъ театрѣ разомъ все смолкло. Затѣмъ, вдругъ, какъ внезапный ударъ грома, грянулъ краткій и сухой взрывъ аплодисментовъ. Одно мгновеніе новаго затишья и, снова, тотъ же взрывъ, одинаково могучій, но уже на этотъ разъ не обрывистый, а упорный, продолжительный, мощнымъ раскатомъ пронесшійся по всему пространству и разрѣшившійся наконецъ единичными криками «ура» и «долой», вначалѣ разбросанными и неясными, затѣмъ уже настойчивыми, пронзительно выкрикиваемыми сильными, звонкими голосами.

Джіусто Аллори съ нескрываемымъ наслажденіемъ нѣсколько мгновеній упивался этой картиной, изъ-за очковъ обводя взоромъ

Кровавые дни въ Москвѣ. Общій видъ мебельной фабрики Шмита, разрушенной во время московскихъ событій. По фот. А. Завадскаго, въ Москвѣ.

всю залу, какъ бы желая убѣдиться, что тамъ, повсюду, трепетали живыя, восприимчивыя души и открытыя сердца. Затѣмъ, поднявъ руку, онъ широкимъ и повелительнымъ жестомъ призвалъ къ тишинѣ, и почти тотчасъ же, дѣйствительно, наступила тишина, правда—прерываемая новыми взрывами рукоплесканий, раздававшихся то тутъ то тамъ и обращенныхъ къ нему тѣмъ, кто особенно нетерпѣливо жаждалъ услышать, когда онъ заговоритъ. И онъ тотчасъ же заговорилъ, но только для того, чтобы пригласить собраніе выбрать предсѣдателя; это подняло новый ураганъ криковъ, среди которыхъ, впрочемъ, тотчасъ же начало ясно выдѣляться одно имя. И тогда Джіусто Аллори почти силой вытащилъ на средину величественнаго старика съ милымъ лицомъ, неподвижно стоявшаго у края стола. Занявъ предсѣдательское мѣсто, тотъ нѣсколько разъ сдѣлалъ толпѣ знакъ, приглася ея къ молчанію и очень энергично звоня въ большой колокольчикъ, добился, наконецъ, нѣкоторой тишины; тогда онъ, еще совершенно свѣжимъ и сильнымъ голосомъ, поблагодарилъ за оказанную ему честь и прибавилъ еще нѣсколько фразъ, очевидно, заранее приготовленныхъ, въ которыхъ онъ объяснилъ цѣль этого собранія; но затѣмъ тотчасъ же растерялся, спутался, нѣсколько разъ повторилъ уже сказанное, пока, наконецъ, нашелъ въ себѣ мужество дойти до заключенія, тоже подготовленнаго, въ которомъ онъ рекомендовалъ спокойствіе, уваженіе къ убѣжденіямъ cadaго и краткость рѣчей.

Но первыя рѣчи далеко не отличались краткостью.

Публика начинала волноваться, терять терпѣніе. Тогда Джіусто Аллори, выдвинувшись впередъ, къ самой рампѣ, однимъ движеніемъ руки почти сразу подавилъ аплодисменты, которые поднялись при его появленіи, и началъ говорить, сжимая въ правой рукѣ свертокъ печатныхъ оттисковъ, опираясь своимъ обычнымъ жестомъ лѣвой руки очки.

Все то, что до этой минуты въ неясной и беспорядочной формѣ было сказано другими, теперь полилось съ его устъ съ ясностью, непрерывностью и быстротой, подобными внезапно прорвавшемуся сильному потоку воды, передъ которымъ вдругъ нали всѣ преграды.

Но было очевидно, что молодой ораторъ не намѣревался долго останавливаться на политическихъ вопросахъ дня.

Ему хотѣлось воспользоваться этимъ многолюднымъ собраніемъ, чтобы высказать много другихъ вещей, которыя казались ему гораздо важнѣе; и дѣйствительно, минуя злобную критику партійности группъ, лицъ и политики, его горячее слово тотчасъ же освѣтило иные, не менѣе интересные вопросы и идеи. Съ страстнымъ пыломъ убѣжденія и истиннымъ краснорѣчіемъ, насквозь проникнутымъ искренностью, развивалъ Джіусто Аллори вдохновенный гимнъ единодушію угнетаемыхъ, ихъ нравственному стремленію къ добру и интеллектуальному совершенствованію, и эта несмѣтная толпа упиалась его словами, ежеминутно прерывая свое упоеніе неудержимыми взрывами рукоплесканий, ея же мгновенно подавляемыхъ изъ страха не услышать ясно того, что онъ могъ еще сказать. И это восторженное упоеніе дошло до апогея въ концѣ, когда самъ ораторъ весь отдался лиричѣ заключительныхъ фразъ своей рѣчи; его руки дрожали, въ вискахъ лихорадочно стучало. Когда онъ кончилъ, ему показалось, что театръ сейчасъ рухнетъ въ этомъ неистовомъ ураганѣ рукоплесканий и восторженныхъ криковъ; онъ же, обливаясь потомъ, разбитый, прежде чѣмъ отойти отъ рампы, долженъ былъ на мгновеніе опереться о столъ, чтобы не упасть.

Въ эту минуту кто-то, протиснувшись сквозь группы, приблизился къ нему и прошепталъ ему что-то на ухо. Джіусто Аллори вздрогнулъ, обернулся, двинулся, оттолкнулъ тѣхъ, кто тѣснился вокругъ него, спрашивая, что такое случилось, и быстро покинулъ сцену, чтобы какъ можно скорѣе очутиться на улицѣ.

Повсюду сплошная стѣна народа.

Какъ пройти? Какъ пробраться, особенно ему, когда всѣ, увидѣвъ его, старались еще тѣснѣе сплотиться вокругъ него?

Въ этотъ моментъ его безнадежныхъ попытокъ выбраться изъ театра за нимъ слѣдилъ взоромъ старый полицейскій, стоявшій на дежурствѣ у запаснаго выхода со сцены, и, когда молодой человѣкъ очутился близко отъ него, полицейскій, не только любезнымъ, но почти дружескимъ тономъ обратился къ нему:

— Если вамъ угодно, докторъ, можете пройти здѣсь...

Джіусто, какъ во снѣ, остановился, взглянулъ, сообразилъ, и ему показалось, что во взглядѣ стараго полицейскаго, который такъ любезно обратился къ нему въ эту минуту, онъ прочелъ глубокое сочувствіе его недавнему призыву къ любви и братству между обездоленными и угнетенными.

— Спасибо, спасибо,—пробормоталъ онъ, крѣпко пожавъ руку, которую нерѣшительно подаль ему полицейскій.—Спасибо... да, мнѣ необходимо поспѣть немедленно домой. Мнѣ пришла сказать, что моему отцу худо, что онъ очень, очень плохъ... скорѣе... скорѣе... Спасибо... поскорѣе бы добраться къ нему!.. Еще разъ спасибо!

Больной старикъ, который уже часъ тому назадъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ удущья, въ отчаяніи, схватившись руками за горло, молилъ: «воздуха, воздуха, воздуха»,—теперь, когда припадокъ утихъ, каждую минуту дѣлалъ попытки приподняться съ подушекъ большого кресла, какъ будто стремясь броситься изъ ма-

Кровавые дни въ Москвѣ. Домъ при фабрикѣ Шмита, въ которомъ жила семья фабриканта; домъ этотъ разрушенъ во время московскихъ событій. По фот. А. Завадскаго, въ Москвѣ.

ленькихъ, настѣжъ раскрытыхъ окошечекъ въ это необъятное море воздуха и простора. И время отъ времени, въ его измученныхъ и полныхъ слезъ глазахъ мелькало еще обычное выраженіе благочестиваго благоговѣнія, когда ему удавалось уловить далеко, въ самой небесной лазури, эти прекрасныя статуи, которыя онъ зналъ, каждую по имени, и его дрожащія руки складывались въ обычномъ молитвенномъ жестѣ и поднимались къ маленькой золотой Богоматери, сверкавшей лучезарнымъ свѣтомъ на главномъ шпилѣ...

Когда же подлѣ огромнаго кресла больного опустился на колѣни его Джіустино и изможденные и дрожащія пальцы старика въ судорожномъ движеніи нетерпѣнія и гнѣва погрузились въ волну густыхъ кудрей обожаемаго сына, на блѣдномъ, уже отмѣченномъ зловѣщими темными пятнами, лицѣ не блеснуло ни малѣйшей радости утѣшенія.

— Какимъ образомъ удалось тебя извѣстить... что я ухожу... тамъ, въ этой адской преисподней?... Что говорилъ ты тамъ всѣмъ этимъ людямъ въ то время, какъ я ждалъ тебя... чтобы умереть? О! знаю, знаю... то, что ты хочешь мнѣ отвѣтить!.. Ты повторялъ мнѣ это миллионъ разъ, всегда!.. Но я этихъ вещей понять не въ состояніи, и такъ ухожу туда, гдѣ меня ждетъ твоя бѣдная мама, и ухожу, ни разу не понявъ, что такое ты! То-есть... понявъ, что мы никогда не увидимся... даже и тамъ... потому что ты не хотѣлъ... ты не хочешь... Это вотъ... я понимаю... а между тѣмъ ты былъ мой дорогой мальчикъ, мой Джіустино, всегда такой добрый, ласковый, трудящійся. Что говорилъ ты сегодня всѣмъ этимъ людямъ?

Кровавые дни въ Москвѣ, по изображеніямъ иностранцевъ. Революціонеры поджигаютъ домъ. Рис. Дадда.

Кровавые дни въ Польшѣ, по изображеніямъ иностранцевъ. Разгромъ уѣзднаго казначейства. Рис. Генена.

Джіусто понял.

Эту измученную душу терзало отчаяніе, и причиной этого отчаянія был онъ.

И только его слово могло дать миръ и покой измученному духу отца, въ этотъ ужасный часъ. И молодой человекъ, еще ближе придвинувшись къ креслу больного, началъ ласкать и цѣловать его дрожащія руки и колѣни.

И въ этотъ часъ старый Лоренцо жилъ духовной жизнью, совершенно непохожей на всю его протекшую жизнь, жизнью болѣе интенсивной, возвышенной, чѣмъ та, которую могла ему дать его посредственная и кроткая натура, его скромное развитие.

Джіусто постигъ это той мудрой созерцательностью, которую поражаютъ великія скорби, почувствовалъ той нѣжной и глубокой любовью, которая тѣсными узами привязывала его нервное, полное тревоженій существованіе къ этой простой и безхитростной жизни, которая теперь угасала. И онъ началъ говорить... Только-что тамъ, на митингѣ, онъ былъ жрецомъ новой религіи, воспламенившей страсть несметной толпы: здѣсь онъ тоже былъ жрецомъ той же религіи и своею любовью долженъ былъ дать покой и умиротвореніе одной совѣсти.

— Знаешь, что я только-что говорилъ всѣмъ этимъ людямъ? Слушай меня хорошенько, папа, слушай внимательно, папочка, мой милый! Я говорилъ имъ, что люди должны жить, какъ братья, и что каждый долженъ дѣлать для другихъ то, что хотѣлъ бы, чтобы дѣлалось для него.

— Да вѣдь... это то, что говорить намъ Святое Евангеліе!..

— И каждый долженъ работать столько, сколько позволяютъ ему его силы, потому что никто не долженъ жить праздно... не правда ли? Это говоритъ тебѣ твой сынъ, а ты вѣдь знаешь, что онъ никогда не лгалъ. Развѣ не сказалъ Іисусъ Христосъ, что легче верблюду пройти въ игольное ушко, чѣмъ богачу въ двери Райа?

— Да, но Евангеліе предписывало бѣднымъ безропотно переносить... подчиняться...

— Вотъ именно, потому что Евангеліе не создано только для богатыхъ или для бѣдныхъ, но для всѣхъ людей, которые равны между собою. А тебѣ кажется справедливымъ, что рядомъ съ такими, которые безумно соряютъ своими богатствами, существуетъ бѣдность, у которой нѣтъ куска хлѣба?.. По-твоему, справедливо, чтобы тотъ, кто всегда, отъ младенчества до старости, жилъ въ горѣ и нуждѣ, умирая гдѣ-нибудь на дорогѣ, несчастный, брошенный, одинокій, точно онъ не такой же сынъ того же Бога?

— Но вѣдь есть милосердіе, есть благотворительность...

— Да, но насколько былъ бы прекраснѣе міръ, если бы въ этой благотворительности не было надобности.

— Да, правда... это правда...

— Мы не проповѣдуемъ ненависти ни къ кому: мы хотимъ, чтобы хорошіе, чтобы тѣ, которые страдаютъ, соединились и взаимно помогали другъ другу подняться и стать лучшими.

Лоренцо смотрѣлъ на сына удивленными и восторженными глазами, и на его лицѣ вмѣсто мучительной тревоги и тоски мелькнулъ вдругъ лучъ утѣшенія и радости:

— И Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, тоже говорилъ... — шептали его запекшіяся, безкровныя губы.

— Да, да, папа, и тѣ, кто увѣряютъ тебя, что твой Джіустино учить ненавидѣть и разрушать, не знаютъ и не хотятъ знать истины. Ты мнѣ только-что говорилъ о милосердіи. Ну, такъ вотъ, развѣ милосердіе, которое проповѣдывалъ Сынъ Божій, не было великимъ и святымъ милосердіемъ между братьями?

— Да, да, въ Евангеліи...

— И развѣ мы не говоримъ того же, что стоитъ въ этихъ книгахъ мудрости и любви, что долженъ настать день мира и справедливости для всѣхъ, кто будетъ къ тому стремиться.

— Да, да, да...

Старый мажордомъ, который никогда не думалъ о другомъ мірѣ, кромѣ того, скромную частичку котораго представлялъ онъ самъ и который для него заключалъ въ себѣ олицетвореніе всякаго блага, всевозможной справедливости, теперь видѣлъ, что благо и справедливость внѣ этого міра имѣли совсѣмъ иной обликъ. Не ему было дано быть въ этомъ судейю: но онъ былъ счастливъ, что въ эту минуту онъ могъ вспомнить о благодѣяніяхъ своихъ господъ и имѣлъ возможность слушать своего обожаемаго сына, причѣмъ его простая и робкая душа не находила въ преданности и почтительности къ первымъ и любви ко второму никакого непримиримаго противорѣчія... и ему казалось, что съ этой минуты ненависть, злоба, предательство навсегда исчезли изъ жизни. Онъ не могъ постигнуть смысла раздѣленій и противоположностей принциповъ, но чувствовалъ, что подъ жестокой внѣшностью, суровыми традиціями и пламенными надеждами бьется одна единственная сила — Любовь.

Любовь его старыхъ господъ сдѣлала его жизнь такой спокойной, пріятной; любовь, которая своими великодушными порывами разжигала юную голову его сына, дѣлала теперь такой отрадной, ясной его смерть. Его религія, которая въ этотъ его послѣдній часъ сдѣлалась проникновеннѣе, снисходительнѣе, улыбалась богатымъ и бѣднымъ и безсознательно постигала, въ чемъ именно заключается истина при всякомъ конфликтѣ душъ и сердецъ: въ добромъ желаніи и стремленіи людей!

И старики безсильными, дрожащими руками гладили голову сына и его слабыя уста тихо лепетали слова благословенія.

Глубокіе глаза его смотрѣли въ пространство, улыбаясь навстрѣчу смерти.

Двадцатипятилѣтіе покоренія Закаспійскаго края.

(Съ 2 рис. и 2 портр. на стр. 29 и 30).

12-го января 1906 года истекло ровно 25 лѣтъ со времени покоренія и присоединенія къ Россіи богатѣйшаго Туркестанскаго края. Въ этотъ день пала крѣпость Геокъ-Теле, оплотъ туркменскаго владычества — и такимъ образомъ трудная закаспійская экспедиція, во главѣ которой былъ тогда поставленъ знаменитый «блѣтый генералъ», М. Д. Скобелевъ, увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ.

Эта экспедиція по справедливости должна быть отнесена къ числу эпическихъ походовъ. Колоссальное по трудности предпріятіе покоренія Закаспійской области изобиловало чрезвычайно яркими по картинности и глубокому трагизму моментами. Эта окраинная война, предпринятая для избавленія нашихъ восточныхъ границъ отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ — туркменъ и завершившаяся крупнымъ приращеніемъ государственной территории, велась въ такой необычной обстановкѣ и подъ предводительствомъ такого замѣчательнаго человека, что было бы прямо непростительно не увѣковѣчить ее въ художественныхъ образахъ. И она отчасти уже увѣковѣчена великолѣпной кистью покойнаго Верещагина. Кому не извѣстны его замѣчательные картины и эскизы, посвященные туркменскому походу?

Покоритель Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи М. И. Гродековъ, бывшій начальникъ штаба Скобелева при покореніи Закаспійской области.

Во многое изъ этого похода еще ждетъ своего поэта и бытописателя. Несомнѣнно, что со временемъ и они явятся. А пока напомнимъ нашимъ читателямъ о сухой, не блестящей никакими красками канвъ фактическихъ событій того времени.

Назойливые, отчаянные по смѣлости набѣги туркменскихъ кочевниковъ на наши границы обратили, наконецъ, на себя, въ 1879 году, серьезное вниманіе нашего правительства. Была снаряжена такъ называемая ахаль-текинская экспедиція подъ начальствомъ генерала Тергукасова, но экспедиція эта не сообразила своихъ силъ съ истинными трудностями похода. Туркмены оттого и были такъ смѣлы и дерзки, что прекрасно чувствовали свою безопасность, а безопасность эта обусловливалась огромными безплодными, выжженными солнцемъ равнинами, отдѣлявшими ихъ оазисы отъ русской границы. Въ этихъ равнинахъ привычные къ нимъ кочевники чувствовали себя какъ рыба въ водѣ, но скверно пришлось русскимъ людямъ, когда они очутились въ неоглядныхъ солончакахъ и сыпучихъ пескахъ, не зная ни мѣста, ни способовъ сообщеній. Всего труднѣе оказалось добывать продовольствіе — и, въ концѣ концовъ, жалкіе остатки отряда Тергукасова, сраженные повальной голо-

Братская могила при станции Геокь-Тепе, средне-азиатской жел. дор. Надпись на могилѣ: «Павшимъ здѣсь стрѣлкамъ своднаго батальона Кавказской стрѣлковой бригады во главѣ со своимъ доблестнымъ командиромъ майоромъ Федоромъ Дмитриевичемъ Сафоновымъ во время штурма Денгиль-Тепе 28 авг. 1879 г. Миръ праху вашему незабвенные товарищи. — 28 марта 1900 г. Отъ родной стрѣлковой бригады. — Въ командованіе бригадой ген.-майоромъ барономъ Зальца». По фот. Н. Ольшанскаго.

довкой, питаясь одними только арбузами, еле выбрались назад, не сдѣлавъ ничего существеннаго для обузданія туркменовъ.

Тогда былъ призванъ къ дѣлу М. Д. Скобелевъ. Была организована новая экспедиція, и на этотъ разъ, благодаря талантиности «блага генерала», всѣ трудности похода были преодолены, и походъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

Тяжесть возложенной на М. Д. Скобелева задачи зависѣла не только отъ трудности доступа къ кочевникамъ чрезъ ихъ сыпучіе пески, но отъ ихъ отчаянной храбрости и умѣнья вести партизанскую войну. Противникъ оказался достойнымъ русской военной силы: онъ такъ «настаивалъ» на Скобелевскій отрядъ, такъ крѣпко держался въ своихъ крѣпостяхъ, что одолѣть его было дѣломъ крайне нешуточное. Особенно, въ виду тяжелыхъ топографическихъ условий.

Давало себя знать и отсутствіе провіанта и питьевой воды. Начальнику штаба Скобелева, Н. И. Гродекову, пришлось потратить много труда, энергіи и находчивости, чтобы снабжать отрядъ

провіантомъ. Такъ, однажды онъ добылъ продовольствіе лишь изъ Персіи, куда былъ командированъ для этой цѣли со значительнымъ конвоемъ.

Медленно двигаясь впередъ, изнывая отъ жажды и голода, имѣя на каждомъ шагѣ стычки съ отчаянно-храбрыми туркменами, отрядъ занималъ одно укрѣпленіе за другимъ и лишь 6-го іюля 1880 года достигъ селенія Ягень-богатырь-Кала, которое отстояло въ 10 верстахъ отъ Геокь-Тепе. Здѣсь находился самый очагъ туркменовъ, и М. Д. Скобелевъ рѣшилъ разгромить его.

Но это сдѣлать было не такъ-то легко. Геокь-Тепе представлялъ собою прекрасно защищенную крѣпость, а защитники были до крайности воодушевлены готовностью умереть за свой край. Послѣ обстоятельной рекогносцировки русскіе заблуждались отступить и повести исподволь правильную осаду. Осада тянулась полгода, и лишь 12-го января 1881 года, послѣ геройскаго сопротивленія, крѣпость, наконецъ, пала.

Съ паденіемъ же Геокь-Тепе дѣло замиренія Закаспійскаго края быстро кончилось, и Туркестанъ сдѣлался русскою провинціей.

23 апрѣля 1901 года въ Геокь-Тепе состоялось торжественное освещеніе военно-историческаго музея, сооруженнаго въ память М. Д. Скобелева и его знаменитаго похода.

Музей этотъ украшенъ прекраснымъ портретомъ Скобелева работы художника Сверчкова и является вполнѣ достойнымъ памятникомъ описанныхъ событій.

Ярославъ Мудрый. (Рис. на стр. 17).

Съ именемъ Ярослава Мудраго въ нашей исторіи связываются спеціальныя юридическія воспоминанія. Мудрый князь получилъ свое прозваніе вслѣдствіе того, что первый изъ тогдашнихъ правителей земли Русской далъ народу сборникъ точныхъ и определенныхъ писанныхъ законовъ. Законы эти касались взаимныхъ отношеній гражданъ между собою и гласили преимущественно объ уголовной «обидѣ» и о возмездіи за нее.

Сборникъ этотъ получилъ наименованіе «Русской Правды» и является первымъ и древнѣйшимъ уголовнымъ кодексомъ на Руси. И надо отдать ему справедливость—это очень мягкій и гуманный кодексъ: онъ, напримѣръ, совершенно не знаетъ смертной казни, а остальныя уголовныя кары сводятся, главнымъ образомъ, къ уплатѣ «вирь», то-есть денежнаго штрафа.

Въ эпоху полной безурядицы въ гражданскихъ отношеніяхъ сборникъ Ярослава Мудраго сыгралъ важную роль регулятора этихъ отношеній, и такимъ образомъ за этимъ княземъ имѣется великая культурная заслуга—устроеніе гражданскаго общества.

Незначительный по своимъ размѣрамъ барельефъ нашего знаменитаго скульптора М. М. Антокольскаго заключаетъ въ себѣ такъ много силы и художественной выразительности, что по справедливости считается однимъ изъ выдающихся произведеній покойнаго скульптора.

М. Г. Акимовъ. (Портр. на стр. 31).

16-го декабря истекшаго года въ министерствѣ юстиціи произошло крупное событіе: министерство получило новаго главу. Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ въ этотъ день Правительствующему Сенату, назначенъ на должность министра юстиціи сенаторъ Михаилъ Григорьевичъ Акимовъ.

Новый министръ является опытнымъ администраторомъ и весьма извѣстнымъ и виднымъ членомъ нашей русской судебной магистратуры: въ настоящее время М. Г. Акимовъ насчитываетъ за собою уже болѣе 36 лѣтъ судебной дѣятельности.

Военно-историческій музей при станціи Геокь-Тепе, средне-азиатской жел. дор. По фот. Н. Ольшанскаго.

По окончании курса в московском университете, М. Г. Акимов был зачислен в 1870 году в кандидаты на судебные должности при прокуратуре московской судебной палаты. Тернистый путь судебской кандидатуры (недаром Н. В. Муравьев называл кандидатов «пилотами судебного ведомства») был пройден М. Г. Акимовым сравнительно скоро и успешно, и в короткое время он получил должности товарища прокурора окружного суда в разных городах (Владимир, Москва, Киев и пр.), а в 1881 году был назначен товарищем прокурора киевской судебной палаты.

После того М. Г. Акимов исполнял то судебские, то прокурорские обязанности — начиная с председателя суда (в Одессе) и кончая председательством в судебной палате (в Одессе же), и, наконец, был призван в Правительствующий Сенат. В Сенате М. Г. Акимов занимал в последнее время должность сенатора в уголовном кассационном департаменте. На этой должности его и застало последнее высокое назначение стать главою министерства юстиции — «оком государевым» в Сенате и генерал-прокурором в России.

М. Г. Акимов имел в настоящее время 58 лет от роду. Он происходит из дворян Саратовской губернии и приходится родственником бывшему министру внутренних дел Булыгину. Теперь, когда прежние устои государства значительно расшатаны, и в государственной жизни произошли и происходят крупные,

уже санкционированные манифестом 17-го октября, перемены, министерство юстиции тоже стоит накануне крупных реформ. Трудно сохранить в такое переходное время равновесие во внутренней жизни министерства, и таким образом на М. Г. Акимова возложена трудная и ответственная задача найти правильные руководящие пути во мраке и сумбури переходного времени. Будем надеяться, что его долготный административный опыт поможет ему с успехом разрешить эту задачу.

М. И. Михельсонъ.

(Портр. на стр. 32).

В библиографиче-

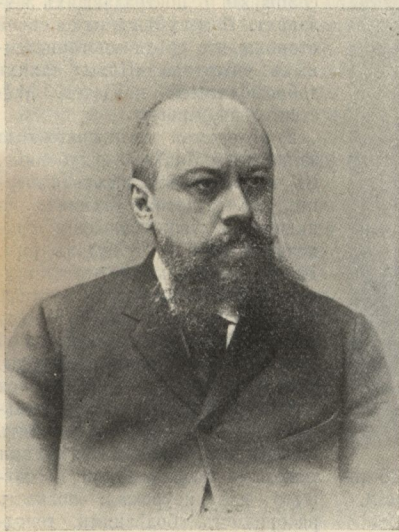
трицы Марии. Вместе с тем он был помощником редактора «Журнала М. Н. П.» и сотрудничал с министром А. С. Норовым по вопросу об обязательном обучении. Затем М. И. Михельсон занимал должность окружного инспектора училищ СПб. учебного округа.

Литературная деятельность юбиляра началась еще в 50-х годах. Он составил тогда весьма ценное пособие к изучению русского языка («Приготовительный курс русского языка») и «Руководство для переводов с французского языка». Позднее, а, именно, в 1890 году, М. И. Михельсон выпустил в свет уже чисто-литературный труд — «Имени Колюмова в немецком переводе». За ним последовал второй такой же труд — «Russisches Fabelschatz» — перевод босен Хемницера, Измайлова, Крылова и др. Переводы М. И. Михельсона сразу обратили на себя внимание своей близостью к подлиннику, изяществом и вкусом.

В 1892 году юбиляр впервые дебютировал — и притом чрезвычайно удачно — в области русской фразеологии: он издал превосходное, сразу доставившее ему громкую известность в научном мире сочинение «Ходячие и мяткие слова». Этот капитальный труд был увенчан почетным отзывом Академии Наук и послужил как бы предверием ко второму — еще более капитальному труду в той же области: «Русская мысль и речь». Мы уже упоминали выше об этой книге; она была удостоена премии митрополита Макария и послужила как раз тем неводом, которым

Клемань Фальберъ, вновь избранный президентъ Французской республики.

М. Г. Акимовъ, новый министр юстиции.

скомь отделъ «Ежемесячных Литературных приложений» к нашему журналу недавно была помещена замѣтка о прекрасном филологическом изслѣдовании «Русская мысль и речь», М. И. Михельсона.

21-го декабря истекшаго года исполнился 60-лѣтний юбилей служебной, общественной и научной дѣтельности автора этого изслѣдования. М. И. Михельсонъ, извѣстный ученый, педагогъ и общественный дѣятель, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія къ своимъ трудамъ, и мы считаемъ необходимымъ ознакомить съ его замѣчательной дѣтельностью нашихъ читателей.

Морицъ Ильичъ Михельсонъ является однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и глубокихъ изслѣдователей русской живой речи. Нелегко уловить ея быстрые вѣчно катящіяся волны; трудно поймать въ этихъ волнахъ бѣглыя и мимолетныя крупинки золота. Но М. И. Михельсонъ вооружается стальнымъ неводомъ усидчиваго труда, вниманія и критическаго анализа — и черпаетъ въ потокъ живой речи искры золота и бѣлые огни остроумія и поэзии. И этими драгоценными крупинками онъ наполняетъ многотомную сокровищницу своихъ изслѣдованій — «молодымъ людямъ на поученіе, старикамъ въ утѣшеніе».

М. И. Михельсонъ родился въ 1825 году. Въ 1845 году онъ вступилъ на службу преподавателемъ въ средній учебный заведеніи министерства народного просвѣщенія и въ ведомствѣ Импера-

Къ 50-лѣтію 4 стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона, исполнившемуся 27 декабря 1905 г. Формы обмундированія батальона со времени его сформированія по настоящее время.

По фот. К. Булла.

М. И. Михельсонъ съ успѣхомъ вылавливалъ золото и перлы въ потокѣ живой русской рѣчи.

М. И. Михельсонъ отдалъ обильную дань общественной дѣятельности. Онъ состоялъ и состоитъ членомъ СПб. городской думы, почетнымъ членомъ Демидовскаго дома призрѣнія, попечителемъ городскихъ богадѣленъ и т. д. Въ 1898 году онъ учредилъ вмѣстѣ съ другими благотворителями «Общество попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ» и нынѣ состоитъ председателемъ совѣта этого общества.

Наконецъ упомянемъ еще и о томъ, что М. И. Михельсонъ учредилъ при Академіи Наукъ три преміи своего имени за лучшіе труды по русскому языку.

Долголѣтняя жизнь юбиляра имѣетъ, такимъ образомъ, крупный умственный и нравственный фондъ. Это—одна изъ тѣхъ жизней, на которыя любо обернуться въ дни старости! Это—почетная жизнь ученаго и общественного дѣятеля, который извѣстенъ лишь избраннымъ, но долженъ быть извѣстенъ всѣмъ.

П. М. Невѣжинъ. (Портр. на этой стр.)

26 декабря прошлаго года исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго драматурга и беллетриста Петра Михайловича Невѣжина.

Среди современныхъ драматурговъ юбиляръ выделяется крупнымъ художественнымъ талантомъ, вдумчивой наблюдательностью и глубиной психического анализа. Кому изъ насъ не знакома его драма «Вторая молодость» — драма, обошедшая, буквально, всѣ сцены, необычайно сценичная, полная тяжелой житейской правды? Трудно указать другое сценическое произведение, которое такъ захватывало бы и стараго, и малаго, развитого и простого человѣка, и такъ наполняло бы душу чистымъ, исторгающимъ слезы волненіемъ. Вспомнимъ хотя бы трагическую сцену прощанія героя пьесы со своей матерью...

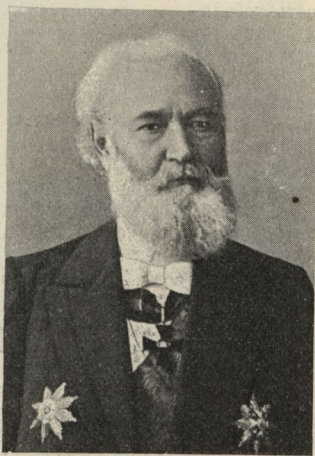
П. М. Невѣжинъ имѣетъ на своей литературной репутации отблескъ того ореола, который окружаетъ славное имя А. Н. Островскаго. Онъ — современникъ, товарищ и даже сотрудникъ нашего знаменитаго драматурга. Такъ, одна изъ пьес П. М. Невѣжина, «Блажь», написана имъ въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ.

Близость юбиляра къ основателю нашего бытового драматическаго театра сказывается въ направленіи, въ качествахъ и въ стилѣ его пьесъ. Пьесы П. М. Невѣжина далеки отъ современныхъ теченій, господствующихъ въ драматическомъ творствѣ. Онъ пишетъ просто, ясно и житейски правдиво, безъ какихъ-либо уклоненій въ область символизма или метафизики; темы беретъ простыя, избѣгая натяжекъ и преднамѣренной придуманности и изломанной вычурности сюжета. Мотивы пьесъ П. М. Невѣжина, по преимуществу, психологическіе.

Кромѣ драматическихъ произведеній П. М. Невѣжину принадлежатъ много произведений чисто беллетристическихъ. Онъ написалъ не мало повѣстей, рассказовъ, романовъ, сотрудничая во всевозможныхъ литературныхъ изданіяхъ.

П. М. Невѣжинъ участвовалъ и въ нашемъ журналѣ. Въ «Нивѣ» были помѣщены его рассказы: «Васяка» и «На премію».

П. М. Невѣжинъ родился въ 1841 году и происходитъ изъ дво-

М. И. Михельсонъ. По поводу 60-лѣтія общественной дѣятельности.

рянъ Московской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Военная карьера, однако, пришлась ему не по сердцу, и еще въ юные годы онъ обнаружилъ ясно выраженную склонность къ театру и къ литературной дѣятельности. Эта склонность не обманула его, но доставила громкое имя, заслуженное уваженіе и нравственное удовлетвореніе въ любимой и плодотворной работѣ.

СМѢСЬ.

На помощь голодающимъ.—1) Въ числѣ многихъ мѣстностей нашего государства, охваченныхъ неурожаемъ, числятся «неблагополучнымъ» и Скопинскій уѣздъ Рязанской губерніи.

Крестьянамъ этого уѣзда въ самомъ недалекомъ будущемъ грозитъ настоящій голодъ. Ржи уродилось такъ мало, что едва хватило ей на обмененіе. Другихъ злаковъ (овса)—еще меньше. Крестьянамъ Скопинскаго уѣзда предстоитъ безсходный голодъ со всѣми его ужасающими послѣдствіями. Нѣтъ ни топлива, ни корма для скота. Ни крохи хлѣба, ни щепотки муки, ни снопа соломы.

Только частная благотворительность можетъ предотвратить это тяжелое бѣдствіе. Всѣ пожертвованія слѣдуетъ адресовать въ почтовое отдѣленіе близъ станціи «Спасскій Разъѣздъ» Рязанско-Уральской ж. д. на имя приходскихъ попечительницъ села Милославскаго: В. Д. Мусиной-Пушкиной, Т. И. Веригиной, или А. А. Тихоновой.

«И малая лепта отъ многихъ dobroжелателей можетъ спасти голодающихъ»,—говорятъ онѣ въ своемъ сообщеніи о пострадавшихъ землякахъ. И мы убѣждены съ своей стороны, что среди многочисленныхъ читателей «Нивы» такихъ dobroжелателей найдется, дѣйствительно, много.

2) Неурожай нынѣшняго года захватилъ и Казанскую губернію. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи, за вычетомъ сѣмянъ, на наличную душу населенія приходится едва 7—8 пудовъ ржи. Нечего говорить, что этотъ скудный запасъ во многихъ мѣстахъ приходитъ къ концу. А между тѣмъ общія условія крестьянской жизни, періодическіе недороды, тяготы недавно окончившейся войны сдѣлали свое разрушительное дѣло, и крестьяне стоятъ вполнѣ безоружные передъ всѣми тяжелыми послѣдствіями постигшаго ихъ неурожая: полнымъ разореніемъ, болѣзнями, голодной смертью.

П. М. Невѣжинъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности.

Уже сейчасъ получаютъ письма отъ крестьянъ, что продовольствія они еще не получаютъ и вынуждены приступить къ распродажѣ своего убогаго инвентаря. Необходимо скорѣе придти на помощь, чтобы хотя до нѣкоторой степени облегчить муки голода и ослабить его губительныя проявленія. Къ этой работѣ необходимо привлечь по возможности самыя широкіе круги русскаго общества, чтобы утолить хоть отчасти это море нужды и бѣдствія народнаго. Пожертвованія, свѣдѣнія, справки могутъ быть направляемы въ Казань по слѣдующимъ адресамъ: Н. П. Куприяновой (Верхне-Федоровская улица, д. Пѣтухова), Д. Э. Янишевскому (1-я гора, свой домъ) и въ редакціи газетъ «Волжскій Вѣстникъ» (Лобачевская ул., д. Подурева) и «Волжскій Листокъ» (Воскресенская, городской пассажъ). Комитетъ твердо увѣренъ, что русское общество, всегда чутко отзывающееся на народныя бѣдствія и на этотъ разъ откликнется на призывъ о помощи голодающему крестьянину.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Материалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

Первыя 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакцію и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ и пр.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Урокъ. Повѣсть Б. Лазаревскаго. (Продолженіе). — На отдыхъ. Стихотвореніе В. С. Лихачова. — Митингъ. (Съ итальянскаго). П. М. Невѣжинъ. — Смѣсь — Объявленія.

РИСУНКИ: Ярославъ Мудрый. — На кабана. — Вѣрный другъ. — Признаніе. — Кровавые дни въ Москвѣ: 1) Прохоровскія казармы, въ которыхъ сдѣлились революціонеры. 2) Погорѣвшіе дома близъ Зоологическаго сада на Прѣснѣ. 3) Общій видъ Прохоровской мануфактуры. 4) Общій видъ мебельной фабрики Шмита, разрушенной во время московскихъ событій. 5) Домъ при фабрикѣ Шмита, въ которомъ жила семья фабриканта; домъ этотъ разрушенъ во время московскихъ событій. — Революціонеры поджигаютъ домъ. — Кровавые дни въ Польшѣ. Разгромъ уѣзднаго казначейства. — Генераль-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. — Генераль-отъ-инфантеріи М. И. Гродековъ. — Братская могила при станціи Геокъ-Тепе, средне-азиатской жел. дор. — Кл. Фальбергъ. — М. Г. Акимовъ. — Къ 50-лѣтію 4 стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона, исполнившемуся 27 декабря 1905 г. Формы обмундированія батальона со времени его сформирования по настоящее время. — М. И. Михельсонъ. — П. М. Невѣжинъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга II.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркъс.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

